УДК 165.17

DOI: 10.26795/2307-1281-2021-9-4-15

В ЧЕМ РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ ФИЛОСОФСКИМИ ИДЕЯМИ И ПОНЯТИЯМИ?**С. Н. Кочеров^{1,2}**¹*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Нижний Новгород, Российская Федерация*²*Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина,
Нижний Новгород, Российская Федерация***АННОТАЦИЯ**

Введение. В статье проясняется соотношение между идеями и понятиями в философии как науке и мировоззрении. Цель проведенного исследования состоит в анализе данных форм философской мысли и выявлении как их эпистемологического сходства, так и содержательных и смысловых отличий.

Материалы и методы. Материалом исследования для предлагаемой статьи являются монографии и статьи зарубежных и отечественных исследователей, посвященные проблемам, которые связаны с анализом философских идей и понятий. В данной статье применялись методы компаративного анализа, историко-философского синтеза, обобщения, идеализации, абстрагирования, интерпретации.

Результаты исследования. Главный вопрос, который задается в статье, – что общего и в чем различия между философскими идеями и понятиями? Среди философов нет особых различий в сознании того, что есть понятие, но нет единства в понимании того, что есть идея. Хотя многие представители этой науки сводят идеи к представлениям, очевидно, что философская идея отличается от мнения обычного человека. Прежде всего, она должна быть выражена в понятийной форме, что характеризует ее как результат акта мышления. Однако выражение идеи в форме понятия не означает, что она одинакова с ним по содержанию. Анализируя эти формы мышления, автор приходит к следующим выводам. 1. Понятия отражают сущность, идеи выражают цель (идеал). 2. Понятия являются знаниями и ограничены сферой познания, идеи относятся к пониманию и обладают действенной силой. 3. Понятия ценностно нейтральны, идеи ориентируются на ценности. 4. Понятия более статичны, идеи более динамичны. 5. Как правило, понятия в философии анонимны, тогда как идеи являются авторскими. Идеи придают понятиям оригинальное содержание, понятия придают идеям теоретическую форму. Без творческой силы идей понятие превращается в банальную мысль или в эпигонский концепт. Таким образом, идеи и понятия представляют формы мышления, имеющие разные задачи, что, однако, не исключает их тесной связи и даже подмены друг другом.

Обсуждение и заключения. Предложенное в статье понимание идей порывает с доминирующей ныне в эпистемологии традицией рассматривать их как мнения, взгляды, представления, что расширяет содержание этого термина до его полной концептуальной неопределенности. Нужно достойно оценить тот эвристический и креативный потенциал, которым обладают идеи, являющиеся импульсами и стимулами развития философии. Нельзя также игнорировать великую роль идей, которую они играют в истории. Хотя идеи являются

выражением интересов различных групп людей, не следует подменять идею интересом, поскольку философские идеи призваны выражать коренные проблемы сущности и существования человека.

Ключевые слова: идеи, понятия, представления, сущности, цели и идеалы, ценности, интересы, идеология, задачи философии.

Для цитирования: Кочеров С.Н. В чем различие между философскими идеями и понятиями? // Вестник Мининского университета. 2021. Т. 9, №4. С.15.

WHAT IS THE DIFFERENCE BETWEEN PHILOSOPHICAL IDEAS AND CONCEPTS?

S. N. Kocherov^{1,2}

*¹National Research University Higher School of Economics,
Nizhny Novgorod, Russian Federation*

*²Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University,
Nizhny Novgorod, Russian Federation*

ABSTRACT

Introduction. The paper attempts to clarify the relation between ideas and concepts in philosophy seen as science and worldview. The author analyzes these forms of philosophical thought and reveals their epistemological similarities, as well as their essential and notional differences.

Materials and Methods. The paper draws upon monographs and papers by Russian and foreign scholars focusing on issues connected with the analysis of philosophical ideas and notions. The methods implemented are comparative analysis, historico-philosophical synthesis, generalization, idealization, abstraction, and interpretation.

Results. The central issue explored in the paper concerns similarities and differences between philosophical ideas and concepts. Philosophers do not have serious disagreements over the notion of a concept, but there is no consensus on what an idea is. While many thinkers seem to reduce ideas to representations, a philosophical idea is clearly different from a common opinion. Most notably, it must be expressed in form of a concept – the fact that characterizes it as an act of thinking. Analyzing these forms of thinking, the author arrives at the following conclusions: 1. Concepts reflect essence, ideas reflect aim (an ideal). 2. Concepts are a form of knowledge and are limited to the cognitive sphere; ideas pertain to understanding and are impactful. 3. Concepts are value-neutral, ideas are value-oriented. 4. Concepts are more static, ideas are more dynamic. 5. Philosophical concepts are usually anonymous, ideas are authorial. Ideas endow concepts with their original essence, while concepts endow ideas with their theoretical form. Without the creative power of ideas concepts degrade into banal epigonic thoughts. Thus, ideas and concepts are forms of thinking that have different purposes, but are still deeply connected and interchangeable.

Discussion and Conclusions. The understanding of ideas proposed in the paper goes against the currently dominant epistemological tradition which regards ideas as opinions, views, or representations and in doing so renders the term conceptually indeterminable. The heuristic and creative potential possessed by ideas that influence and stimulate the development of philosophy should be adequately evaluated. The essential role that ideas play in history should not be ignored

as well. While ideas express interests of different social groups, they should not be equated with interests, as philosophical ideas are meant to express fundamental issues of human essence and existence.

Keywords: ideas, concepts, representations, essences, goals and ideals, values, interests, ideology, tasks of philosophy.

For citation: Kocherov S.N. What is the Difference Between Philosophical Ideas and Concepts? // Vestnik of Minin University. 2021. Vol. 9, no. 4. P.15.

Введение

В современной философии – как западной, так и отечественной – лексема «идея», по сути, перестала играть важную роль, превратившись в синоним таких терминов, как «понятие», «мысль», «представление». Так, в английском языке *idea* часто подменяется словами *concept*, *notion*, *thought*, *representation*, *opinion*, *reason*, *message* и т.д. Конечно, это выражается, прежде всего, в разговорной речи и публицистических текстах, но в связи с упрощением философского языка, что, на наш взгляд, особенно присуще аналитической философии, проявляется и в трудах западных философов. Такое «размывание» специфики идей как форм нашего мышления, вместе с ослаблением того пафоса, которым они прежде воодушевляли наши сердца, представляется неслучайным, ибо все это стало следствием утраты предметного содержания данного феномена.

Давно минули те времена, когда идеями в философии называли истинные основания бытия или вечные идеальные сущности. Ни один современный философ не станет утверждать, что «идеи суть метафизические сущие, следы идей суть физические сущие, а тени идей суть ментальные сущие» [17; р. 371]. С XVII–XVIII веков в философии утверждается традиция понимать под идеями «представления», истоки которой восходят еще к Августину Аврелию, для которого идеи были понятиями о внешних вещах [14; с. 10]. Краткий, но яркий ренессанс идеи переживают в классической немецкой философии, где им была отведена ведущая роль в обосновании разумности мира и в способности его адекватного познания. При этом И. Кант первым связал разум и идеи, которые были для него «самым высоким видом представления, возможным для человека». А Г.В. Гегель, завершивший это направление в философии, провозгласил наличие абсолютной идеи, т.е. всеобщей разумности в мире, мысля ее как проекцию, «которую мы создаем в начале систематичного философского исследования и полное содержание которой мы получаем, лишь пройдя весь путь целиком» [8; с. 6, 19]. Поэтому потрясший затем философию кризис веры в разумность мира подорвал и убеждение, что идеи – это «важнейшее знание» и «предел и причина всего» (Платон).

В наше время термин «идея» используется в двойном смысле – как представление, выраженное в форме понятий, и как воззрение людей, оказывающее большее или меньшее влияние на их жизнь. Как видно, область его применения весьма широка и неопределенна, поскольку под идеями понимается все, что облекается в понятийную форму и выражает отношение к реальности, имеющее хоть какой-нибудь рациональный смысл. Не удивительно, что различие между идеями и понятиями сегодня, скорее, интуитивно чувствуется, чем логически и методологически объясняется. Наличие данной эпистемологической проблемы

косвенно признается некоторыми философами. Так, можно видеть попытку ее устранения в замене исходных терминов на лексему «концепт», что, на наш взгляд, является, скорее, уходом от проблемы, чем ее решением. Все это говорит о важности установления правильного соотношения между идеями и понятиями в философии.

Хотя все идеи, насколько известно, выражены в понятийной форме, в них присутствует нечто такое, что выходит за пределы понятия в его обычном виде. К таким спецификациям идей следует отнести, например, бытие в становлении, пафос долженствования, веру в возможность осуществления. Если понятия отражают мир, то идеи преобразуют его. Действенная сила идей особенно важна для современного мира с его возрастающими скоростями, когда изменения происходят порой быстрее, чем люди могут осмыслить их. Поэтому исследование того, что представляют собой идеи, вызывает не только теоретический, но и практический интерес. Актуальность данной теме придает и то, что современный человек живет как в мире вещей, так и в мире идей, в котором он делает свой выбор. От этого выбора, сознает он это или нет, зависит будущее не только его и близких людей, но и общества, в котором он живет, и даже человечества в целом. Принимая во внимание важность идей для человеческого бытия, нельзя далее оставлять не проясненными их отношения с понятиями. Даже если идеи, в конечном счете, будут признаны одним из видов понятий, не вызывает сомнения, что этот вид обладает набором таких признаков, свойств и качеств, которые отличают его от других видов.

Обзор литературы

Хотя вопрос о соотношении идей и понятий не находится в фокусе внимания современных эпистемологов и философов науки, данная проблема опосредованно затрагивается в трудах зарубежных и российских ученых. Так, в своей фундаментальной работе «Великая цепь бытия: История идеи» А. Лавджой дает свою классификацию тех «устойчивых или циклических динамических единств», которыми, согласно его подходу, являются идеи [7; с. 12-20]. В книге Ж. Делеза и Ф. Гваттари «Что такое философия?» авторы, не оговаривая этого, по сути, используют вместо термина «идея» термин «концепт», отличая его от понятия в частных науках [3]. Специалист в области теории познания и философии сознания У. Селларс посвятил анализу идей ряд своих глав в монографии «Эмпиризм и философия сознания» [15]. Своеобразную позицию по этому вопросу занимал Р. Рорти, который, с одной стороны, отказался от признания общих основ познания, видя в них апологетику достижений известного этапа развития философии или личности мыслителя, но, с другой стороны, называл основания собственной критики теории познания «идеями» [13].

Сходного с Рорти мнения, что Р. Декарт и, особенно, Дж. Локк расширили понятие «идея», придав ему значительно больший объем, чем оно имело в древнегреческой и средневековой философии, придерживается Н. Джолли [21]. Данный автор полагает, что причиной этого стало картезианско-локковское воззрение на разум, по которому к ментальной сфере можно причислить почти все, что не относится к физическому миру. В своей интересной, хотя небесспорной работе Дж. Бербидж в качестве отправной точки использует различие Г. Фреге между «идеями», которые являются субъективными воспоминаниями о прошлых ощущениях, и «концептами», которые разделяются многими и делают возможным общение. Бербидж полагает, что сначала мы переходим от идей к мыслям, которые совершенствуем до известной степени, а затем движемся от них

к имеющим объективный статус концептам [18]. М. Хэннон, насколько можно судить по его книге, понимает под «идеями» точку зрения, позицию, относимую им к пониманию, которое по своей социальной роли он отличает от знания [20]. В работе, написанной в соавторстве с Э. Эденберг на стыке эпистемологии и политической философии, Хэннон анализирует угрозу для истины и знаний в политике со стороны идей, приносимых агрессивно наступающей эпохой «пост-правды» [19].

В отличие от западных философов, российские исследователи более склонны заниматься анализом логического и историко-философского аспектов данной проблемы. Так, Д.В. Власов, выявляя различные алгоритмы формирования понятий, приходит к выводу об ограниченности попыток построить теоретическую модель образования понятия в рамках логики и гносеологии, призывая дополнить их психологическим подходом [1]. Рассматривая формирование философского языка Нового времени, Р.В. Савинов сравнивает подходы к понятию «идея» поздних схоластов и новоевропейских философов [14]. А в работе М.Р. Левина показывается, как в классической немецкой философии проходила эволюция от идей Канта и Фихте с их концепцией функциональной разумности к абсолютной идее Гегеля и его убеждению во всеобщей разумности. Именно эта гегелевская парадигма, по мнению автора, привела в последующем к отказу от разума как всеобщего принципа и вызвала кризис в понимании философских идей [8].

Результаты исследования

Основной тезис данной статьи заключается в том, что идеи и понятия представляют формы мышления, имеющие разные задачи, что, однако, не исключает их тесной связи и даже подмены друг другом.

Слова «понятие» и «идея» как философские термины впервые появляются в античности. По Диогену Лаэртскому, первым определил понятие Антисфен, обозначив им «то, что раскрывает, что есть или чем бывает тот или иной предмет» [5; с. 234]. Примерно в то же время Демокрит называет «идеями» атомы как умопостигаемые материальные основания вещей, а Платон провозглашает идеи (эйдосы) умопостигаемыми идеальными архетипами вещей. В задачи данной статьи не входит подробное и последовательное обозрение истории понятий и идей. В этой связи, однако, следует обратить внимание на такое обстоятельство. Все известные современные дефиниции понятия, при их детальном анализе, оказываются лишь более строгими версиями наивного определения Антисфена. В то же время концепт идеи, часто используемый в философских и научных трудах, лишен такой ясности и точности. Общим местом в них оказывается лишь взгляд на идеи как представления людей. Но вопрос о том, что это за представления и чем они отличаются от других форм познания, решается в них по-разному.

Противоречия по данному вопросу проявились уже в философии Нового времени. «Для Декарта, идеи – это интеллектуальные объекты, – пишет Н. Джолли, – а чувственное восприятие объясняется как запутанные способы мышления, возникающие в результате соединения разума с телом. Для Локка, напротив, основными являются данные ощущения и отражения; интеллектуальные идеи объясняются как результат выполнения различных операций (таких как абстракция) с сырьем, что обеспечивают ощущение и отражение» [21; с. 3]. Точно так же И. Кант писал: «Под идеями я разумею такое необходимое понятие разума, для которого в чувствах не может быть дан никакой адекватный предмет» [6; с. 233]. А введший в оборот слово «идеология» А. Дестют де Траси выражал полное согласие с Кондильяком в том, «что

мыслить есть не что иное, как ощущать, и что все наши идеи лишь суть разные ощущения, требующие только пояснения своих различий и связей» [4; с. 153]. Не удивительно, что такая дифференциация мнений только затрудняла понимание того, в каком отношении находятся идеи и понятия.

Так, И. Кант полагал, что если спекулятивные идеи приближаются к понятиям чистого разума, но никогда не могут адекватно передать их, то идеи практического разума являются необходимым условием всякого практического применения понятий разума. Идеи были для него понятиями, но понятиями особого рода: они суть принципы, регулирующие способность понимания и практическую деятельность. Кант выделял виды идей, согласуя их с разными функциями разума, давая «все причины для заключения, что вид представления, использующийся для понятия "разум", – это идея» [8; с. 11]. Иначе представлял связь идей и понятий Г.В. Гегель. В его философии «идея есть истина *в себе и для себя*, абсолютное единство понятия и объективности. Ее идеальное содержание есть не что иное, как понятие в его определениях. Ее реальное содержание есть лишь раскрытие самого понятия в форме внешнего наличного бытия, и, замыкая эту форму (Gestalt) в своей идеальности, идея удерживает ее в своей власти, сохраняет таким образом себя в ней» [2; с. 399-400]. Поэтому абсолютная идея для Гегеля воплощает в себе высший синтез (тождество) мышления (понятия) и бытия (объективности).

Критика гегелевской философии, начатая многими философскими направлениями и школами со 2-ой половины XX века, как видно, погребла под обломками его системы абсолютного идеализма не только убеждение во всеобщей разумности мира, но и желание прояснить отношение между идеями и понятиями. Этот процесс совпал с разочарованием во Франции попытками «идеологов» (А. Дестют де Траси, П.Ж.Ж. Кабанис, К.Ф. Вольней, Ж.М. де Жерандо и др.) реформировать систему образования и воспитать граждан в духе идей свободы, равенства и братства. Само слово «идеология» было скомпрометировано и стало означать воззрения, оторванные от общественной практики и реальной политики. А вскоре марксизм объявил идеологию «ложным сознанием», призванным исказить понимание социальной реальности в угоду интересам определенных классов. При таком подходе к общественным идеям они были представлены как «ложные цели», которые должны замаскировать реальную связь идеальных концептов с вызвавшими их к жизни материальными потребностями. Это напоминает отвращение многих современных западных интеллектуалов к политической пропаганде. «Распространение фальшивых новостей, рост теорий заговора, усиление политической поляризации, снижение доверия к экспертам и средствам массовой информации и предполагаемая эпоха политики "постправды" – все это указывает на то, что мы находимся в разгаре политически заряженного эпистемологического кризиса» [19; р. 2]. Ответом на это, по мнению авторов данной книги, должен стать девиз «Философы знания, ваше время пришло».

Последуем и мы этому призыву, но не в аспекте соотношения истин и мифов в политике, а в аспекте соотношений идей и понятий в философии. Главный интересующий нас вопрос – что общего и в чем различия между философскими идеями и понятиями? Даже подойти к нему весьма непросто уже потому, что, как было сказано выше, среди философов нет особых различий в сознании того, что есть понятие, но нет единства в понимании того, что есть идея. Так, два представителя этой науки легко поймут друг друга, если один считает понятие формой мысли, посредством которой отражаются общие и существенные признаки предметов, взятые в их единстве, а другой – лексемой, обобщенно представляющей предметы и явления путем фиксации их атрибутов. Но как им договориться между собой,

если один исходит из того, что идея означает мнение или представление, а другой полагает, что это доктрина или принцип? Конечно, философская идея несет в себе нечто отличное от мнения или представления обычного человека. Прежде всего, она должна быть выражена в понятийной форме, что характеризует ее как результат акта мышления. Это положение с присущей ему склонностью к точным и ясным дефинициям хорошо передал Б. Спиноза, когда указал в своей «Этике»: «Под *идеями* я разумею понятие, образуемое душой в силу того, что она есть вещь мыслящая» [16; с. 370].

В силу своего облачения в понятие философская идея не может быть понята как чувственное представление или внешний образ, хотя они и способны выразить ее в символическом виде в искусстве или религии, но уже вне философии. Идея не сводится к мнению, даже если мнение о ней высказывает философ, поскольку идея проявляется в интерпретациях, как общее в частном, но не тождественна им. Например, идея Бога не поддается адекватной передаче посредством приведения множества мнений о нем. Нет веских оснований и для восприятия философской идеи как некой доктрины, так как последняя представляет совокупность положений и принципов, включающих в себя не одну, а несколько идей. Может быть, в попытках определить идею в философии достаточно свести ее к философскому понятию и на этом поставить точку в данном вопросе? Такое «решение» заявленной проблемы, на наш взгляд, представляло бы, скорее, бегство от нее. Если даже признать, что все идеи суть понятия, из этого не следует, что все понятия суть идеи. Кроме того, непереносное выражение идеи в форме понятия не означает, что она одинакова с ним по содержанию. Тогда в чем же состоит различие между идеями и понятиями в философии? Хотя рамки статьи в журнале слишком тесны, чтобы детально обосновать все различия между ними, можно указать на некоторые отличия, не позволяющие провести тождество между этими формами мышления.

Во-первых, *понятия отражают сущность, идеи выражают цель (идеал)*. Если понятия определяют объекты одного вида, рода или класса посредством описания признаков, придающих им единство, то идеи характеризуют их качества на основе интересов познающего субъекта. В отличие от понятия, которое передает сущность объекта, идея выявляет перспективу его развития, фиксируя не его наличное бытие, а идеальное состояние, с точки зрения тех, кто эту идею выдвигает или поддерживает. Например, вечность как понятие означает бесконечность во времени, вечность как идея выражает полноту бытия и жизни, т.е. совершенную вечную жизнь. Из приведенного выше определения Гегеля следует, что понятие представляет идеальное содержание идеи, тогда как ее реальное содержание раскрывается «в форме внешнего наличного бытия», в самой действительности, реализуясь в которой идея «удерживает ее в своей власти». Поэтому понятие отражает то, что есть объект, а идея представляет то, чем он должен стать. Конечно, автор отдает себе отчет, что наш ум не «зеркало природы», что знание не является «отражением» в обычном смысле этого слова и что «от понятия познания как точной репрезентации, возможной за счет специальных ментальных процессов и постижимой через общую теорию репрезентации, следует отказаться» [13; с. 5]. Точно так же нельзя отрицать, что при формировании понятий, наряду со сравнением, обобщением и абстрагированием, важную роль играет идеализация. Но в идеях мы имеем дело с репрезентацией не внешних объектов, а вложенных в них нами целей. И идеализация в идеях проявляется не в отвлечении от всего случайного и малозначимого в объектах, а в выделении состояния, качества или события, желанного для нас.

Во-вторых, *понятия являются знаниями и ограничены сферой познания, идеи относятся к пониманию и обладают действенной силой*. Идеи и понятия различаются

по своей эпистемологической функции. Так, в своей книге «В чем смысл знания?» М. Хэннон указывает на отличие между знанием и пониманием, которые играют разные социальные роли. По его мнению, «знания тесно связаны с ответом на нашу потребность в истинных убеждениях, тогда как понимание отвечает на нашу потребность в хороших объяснениях» [20; р. 9]. Под «хорошими объяснениями» в данном случае, очевидно, имеются в виду не любые удобные нам интерпретации объектов или событий, а выявление в них таких смыслов, которые отвечают нашим интересам. Последнее, безусловно, важно для философии, поскольку каждое новое учение в ней, как правило, начинается с экспликации мыслителем слов обыденного языка или понятий своих предшественников. Таким образом, идея, рожденная способностью понимания, переходит в область знания и закрепляется в ней благодаря появлению нового концепта или применению старого понятия в нетривиальном значении. При этом далеко не всегда приходится жертвовать «истинным убеждением» ради «хорошего объяснения». Делез и Гваттари во многом правы, когда утверждают, что «концепт всегда обладает той истиной, которую получает в зависимости от условий своего создания» [3; с. 34]. Да и по силе заключенного в ней убеждения «объясняющая» идея не только не уступит «истинному» понятию, но в целом превзойдет его. Известные слова К. Маркса о том, что «теория становится материальной силой, как только она овладевает массами» [9; с. 422], не случайно часто приводят в формулировке «идеи становятся материальной силой, когда они овладевают массами». Последнее вольное переложение, однако, вполне подтверждается историей, которая дает немало примеров того, как идеи, упавшие на подготовленную почву, приводили в движение тысячи и миллионы людей. В то же время замена «идей» на «понятия» сделала бы это суждение ложным, поскольку неизвестны случаи, когда понятия обладали бы такой же воодушевляющей силой для столь многих представителей человечества.

В-третьих, *понятия ценностно нейтральны, идеи ориентируются на ценности*. Как формы мышления философские и научные понятия создаются таким образом, чтобы избежать субъективности, искажающей адекватную картину мира. Поэтому из них стремятся удалить все оценочные моменты, вольно или невольно вносимые субъектом в процесс познания. Это имеет место даже в тех случаях, когда даются концептуальные определения таким ценностям, как добро, красота, любовь, свобода и т.д. В качестве примера можно сравнить идею и понятие справедливости. Так, известно высказывание софиста Фрасимаха: «Справедливость, утверждаю я, это то, что пригодно сильнейшему. ...Во всех государствах справедливостью считается одно и то же, а именно то, что пригодно существующей власти» [11; с. 93, 94]. Здесь Фрасимах прямо заявляет, какой ценностью руководствуется, рассуждая о справедливости. В отличие от него, современный исследователь Дж. Ролз разграничивает понятие и идею (концепцию) справедливости. «Понятие справедливости, – пишет он, – должно быть определено ролью ее принципов в приписывании прав и обязанностей и в нахождении подходящего разделения социальных преимуществ. Концепция справедливости есть интерпретация этой роли» [12; с. 25]. Отсюда, впрочем, не следует, что сначала возникает понятие справедливости, а затем дается его интерпретация, поскольку идеи в истории философии, как будет показано далее, нередко предшествуют понятиям.

В-четвертых, *понятия более статичны, идеи более динамичны*. Мыслительные процессы, как и все в этом мире, подвержены переменам. Однако если сравнить темпы изменения понятий и идей, нельзя не заметить, что идеи обновляются быстрее, чем передающие их понятия. Например, понятие свободы как «познанной необходимости» разделялось почти дословно Демокритом, стоиками, Спинозой, Гегелем и Энгельсом, но при

этом свобода как идея наполнялась ими все новыми смыслами (от автономии мудреца – до добродетельного гражданина, от подчинения разумным законам государства – до власти над стихийными силами природы и общества). В отличие от понятий, которые тяготеют к универсальным дефинициям, в идеале сводимым к формулам, идеи являются продуктом более свободного мышления. Не случайно Делез и Гваттари в своей книге называют отношение философского концепта к эмпирическим фактам состоянием «парящего полета», отмечая, что «мысль действует здесь с бесконечной (хотя и большей или меньшей) скоростью» [3; с. 27,28]. По мере развития идеи обрастают новыми понятиями, фиксирующими обретенные ими смыслы, но, как и старые термины, те становятся каркасом, а не топливом, позволяющим идеям «взлететь».

В-пятых, как правило, понятия в философии анонимны, тогда как идеи несут на себе авторство их создателей. Даже беглый обзор истории философии позволяет выделить ряд идей, сыгравших особую роль в данной науке. В качестве примера можно привести *логос* Гераклита, *бытие* Парменида, *атомы* Демокрита, *cogito* Декарта, «*вещь в себе*» Канта, *отчуждение* Гегеля, *практику* Маркса, «*волю к власти*» Ницше и др. Каждая из этих идей была сформулирована благодаря использованию уже существующего слова или сочетания слов, которому вводящий ее философ придавал новый смысл. Так, Пифагор, по аналогии с человеческим жилищем, назвал мироздание «космосом», желая подчеркнуть его упорядоченный, организованный, разумно-устроенный характер. А Плотин, описывая процесс порождения бытия Единым, использовал слово «эманация», сравнивая этот творческий акт с неизбежным излучением солнца и истечением источника вод. Именно вкладывание в привычный термин нового креативного смысла и превращает его в носителя идеи, которой суждена более или менее долгая жизнь. Дж. Бербидж прав, когда предпочитает точке зрения Г. Фреге, упрощенно понимавшего различие между идеями и понятиями, позицию Гегеля, полагавшего, что «философия не делает ничего, кроме превращения идей в мысли, хотя, конечно, она продолжает превращать простую мысль в понятие» [18; p.5]. Но, продолжая, как и Фреге, считать идеи представлениями, Бербидж, на наш взгляд, не учитывает в полной мере творческую силу идей, которые одухотворяют понятия своими смыслами. В том, что без оригинальной идеи понятие превращается в банальную мысль или в эпигонский концепт, нас могут убедить такие понятия, как «метафизика» или «онтология», введенные, соответственно, Андроником Родосским и Я. Лорхардом и Р. Гоклениусом из формальных соображений.

Конечно, приведенными пятью пунктами не исчерпывается список различий между идеями и понятиями в философии. Более углубленный подход к этой проблеме потребует разработки их классификации, выделения идей и понятий одного уровня и соотнесения их друг с другом. Так, нельзя не признать, что такие общетеоретические идеи, как *движение*, *пространство*, *время*, *необходимость*, *причинность* и др. очень близки соответствующим понятиям. Отличие между ними можно провести разве что по той концепции, которую вкладывали в содержание этих понятий разные мыслители. Так, Демокрит и Аристотель (как спустя века Ньютон и Эйнштейн), оперируя понятиями пространства и времени, исходили во взглядах на них из разных идей – субстанциальной и реляционной. Нужно также более тщательно рассмотреть образование идей, восхождение идей от простых к сложным, их трансформацию в «чистые» понятия, когда угасает заложенный в них импульс к развитию, и новую жизнь старых идей, наделенных современными смыслами. Поэтому данная статья – это, скорее, постановка проблемы, чем декларация ее решения.

Обсуждение и заключения

Анализ выявленных различий между идеями и понятиями в философии позволяет прийти к выводу, что они представляют собой близкие способы познания, отличающиеся по своим задачам и функциям. Понятия – это формы мышления, которые отражают наиболее общие и существенные признаки объектов, что позволяет субъекту отнести их к известной общности и определить их место в реальности. Идеи – это формы мышления, которые выявляют перспективы развития объектов, понимаемых субъектом как цели и смыслы, и стимулируют его изменить реальность в соответствии со своими интересами. Такое понимание идей порывает с доминирующей ныне в эпистемологии традицией рассматривать их как мнения, взгляды, представления, что расширяет содержание этого термина до его полной концептуальной неопределенности. На наш взгляд, следует вернуть идеям утраченный ими в философии Нового времени статус форм мышления, направленных на постижение основ бытия и познания.

Речь идет не о возвращении к идеализму Платона, для которого идеи были вечными, неизменными и совершенными архетипами вещей, и не к средневековой схоластике, видевшей в идеях мысли Бога, что были воплощены при сотворении мира. Такое понимание идей в наш век научно-технического прогресса представляло бы явный анахронизм. Доводы в пользу повышения внимания к идеям среди философов следует искать не в прошлом, а в настоящем. Прежде всего, нужно достойно оценить тот эвристический и креативный потенциал, которым обладают идеи, являющиеся импульсами и стимулами развития философии. Отказаться от их интеллектуального богатства, сведя идеи к субъективным представлениям, было бы безответственным расточительством. Кроме того, нельзя игнорировать великую роль идей в истории, в которой наше время также не обещает быть исключением. Хотя идеология дает немало оснований для обвинений в трансляции под видом идей интересов разных групп, не следует в каждом случае подменять идею интересом. Как справедливо отмечал В.М. Межуев, «интерес – это то, что мы желаем для себя, идея – то, что полагаем важным, существенным для всех» [10; с.5]. С учетом значения идей для теории и для практики изучение их, на наш взгляд, заслуживает не меньшего внимания, чем критический анализ их содержания, из которого чаще всего делают вывод, что любая идеология ведет либо к мифологии, либо к утопии. Не следует игнорировать, что философские идеи призваны выражать коренные проблемы сущности и существования человека.

Список использованных источников

1. Власов Д.В. Логические и философские подходы к построению теоретической модели образования понятия // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2009. №1: Философия. Политология. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/1/Vlasov/> (дата обращения: 07.06.2021).
2. Гегель Г.В.Ф. Наука логики // Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. Т. 1. М.: Мысль, 1975. 452 с.
3. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.: Академический проект, 2009. 261 с.
4. Дестют де Траси А. Элементы Идеологии. Ч.1. Идеология в собственном смысле слова. Глава 11: Размышления о предшествующем и о способе Кондильяка анализировать мысль // Вопросы философии. 2013. №8. С. 149-154.

5. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1979. 620 с.
6. Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. 591 с.
7. Лавджой А. Великая цепь бытия: История идеи. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. 376 с.
8. Левин М.Р. Разум, идеи и их функции в классической немецкой философии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2020. Т. 36. Вып. 1. С. 4-23.
9. Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. 2-е изд. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1955. С. 414-429.
10. Межуев В.М. О национальной идее // Вопросы философии. 1997. №12. С. 3-14.
11. Платон. Государство // Платон. Собрание сочинений: в 4 томах. Т. 3. М.: Мысль, 1994. С. 79-420.
12. Ролз Дж. Теория справедливости. 2-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 536 с.
13. Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1997. 320 с.
14. Савинов Р.В. Ментальное сущее и идеальное бытие: к вопросу о различии схоластической и новоевропейской рациональности // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2013. Т. 2, №4. С. 9-20.
15. Селларс У. Эмпиризм и философия сознания. СПб: Изд-во Европейского ун-та, 2021. 218 с.
16. Спиноза Б. Этика // Спиноза Б. Избранные произведения. Ростов н/Д: Феникс, 1998. С. 325-591.
17. Bruno G. Nolanus. Scripta quae Latine confecit omnia. V. I. Stuttgartiae, 1836.
18. Burbidge J. Ideas, Concepts, and Reality. Quebec: McGill-Queen's University Press, 2013. 200 p.
19. Edenberg E., Hannon M. Political Epistemology. Published to Oxford Scholarship Online: June 2021.
20. Hannon M. What's the Point of Knowledge?: A Function-First Epistemology. New York, NY, United States of America: Oxford University Press, 2019. 288 p.
21. Jolley N. The Light of the Soul: Theories of Ideas in Leibniz, Malebranche, and Descartes. Oxford: Clarendon Press of Oxford University Press, 1990. 209 p.

References

1. Vlasov D.V. Logical and philosophical approaches to the construction of a theoretical model of the formation of a concept. *Informacionnyj gumanitarnyj portal «Znanie. Ponimanie. Umenie»*, 2009, no. 1: Philosophy. Political science. Available at: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/1/Vlasov/> (accessed: 07.06.2021). (In Russ.)
2. Gegel' G.V.F. Science of Logic. *Gegel' G.V.F. Enciklopediya filosofskih nauk: v 3 t. T. 1.* Moscow, Mysl' Publ., 1975. 452 p. (In Russ.)
3. Delez ZH., Gvattari F. What is philosophy? Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2009. 261 p. (In Russ.)
4. Destyut de Trasi A. Elements of Ideology. Part 1. Ideology in the proper sense of the word. Chapter 11: Reflections on the antecedent and on Condillac's way of analyzing thought. *Voprosy filosofii*, 2013, no. 8, pp. 149-154. (In Russ.)

History of philosophy

5. Diogen Laertsij. About the life, teachings and sayings of famous philosophers. Moscow, Mysl' Publ., 1979. 620 p. (In Russ.)
6. Kant I. Critique of Pure Reason. Moscow, Mysl' Publ., 1994. 591 p. (In Russ.)
7. Lavdzhoj A. The Great Chain of Being: The History of an Idea. Moscow, Dom intellektual'noj knigi Publ., 2001. 376 p. (In Russ.)
8. Levin M.R. Reason, ideas and their functions in classical German philosophy. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya*, 2020, vol. 36, no. 1, pp. 4-23. (In Russ.)
9. Marks K. To the criticism of the Hegelian philosophy of law. Introduction. *Marks K., Engel's F. Sochineniya: v 50 t. 2-e izd. T. 1.* Moscow, Gospolitizdat Publ., 1955. Pp. 414-429. (In Russ.)
10. Mezhuev V.M. On the national idea. *Voprosy filosofii*, 1997, no. 12, pp. 3-14. (In Russ.)
11. Platon. State. *Platon. Sobranie sochinenij: v 4 tomah. T. 3.* Moscow, Mysl' Publ., 1994. Pp. 79-420. (In Russ.)
12. Rolz Dzh. Theory of justice. 2nd ed. Moscow, LKI Publishing House, 2010. 536 p. (In Russ.)
13. Rorti R. Philosophy and the Mirror of Nature. Novosibirsk, Novosibirsk University Press, 1997. 320 p. (In Russ.)
14. Savinov R.V. Mental being and ideal being: on the question of the difference between scholastic and modern European rationality. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, 2013, vol. 2, np. 4, pp. 9-20. (In Russ.)
15. Sellars U. Empiricism and philosophy of mind. St. Petersburg, Publishing house of the European University, 2021. 218 p. (In Russ.)
16. Spinoza B. Ethics. *Spinoza B. Izbrannye proizvedeniya.* Rostov-on-Don, Feniks Publ., 1998. Pp. 325-591. (In Russ.)
17. Bruno G. Nolanus. Scripta quae Latine confecit omnia. V. I. Stuttgartiae, 1836.
18. Burbidge J. Ideas, Concepts, and Reality. Quebec, McGill-Queen's University Press, 2013. 200 p.
19. Edenberg E., Hannon M. Political Epistemology. Published to Oxford Scholarship Online, June 2021.
20. Hannon M. What's the Point of Knowledge?: A Function-First Epistemology. New York, NY, United States of America, Oxford University Press, 2019. 288 p.
21. Jolley N. The Light of the Soul: Theories of Ideas in Leibniz, Malebranche, and Descartes. Oxford, Clarendon Press of Oxford University Press, 1990. 209 p.

© Кочеров С.Н., 2021

Информация об авторах

Кочеров Сергей Николаевич – доктор философских наук, профессор департамента общественных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород, Российская Федерация, профессор кафедры философии и общественных наук, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (Мининский университет), Нижний Новгород, Российская Федерация, e-mail: kocherov@yandex.ru.

Information about the authors

Kocherov Sergey N. – doctor of philosophy, professor of the Department of Social Sciences, National Research University "Higher School of Economics", Nizhny Novgorod, Russian Federation, professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University), Nizhny Novgorod, Russian Federation, e-mail: kocherov@yandex.ru.

Поступила в редакцию: 15.08.2021

Принята к публикации: 01.10.2021

Опубликована: 12.11.2021